

Сельский пейзаж Московской губернии на рубеже XVIII века

Петр Миллер

Миллер Петр Николаевич (1867–1943) – историк, заведующий музеем «Старая Москва» (1919–1926), председатель секции «Старая Москва» Общества изучения Московской области, старший научный сотрудник Института истории Академии наук, научный сотрудник Государственного Исторического музея (1926–1929).

В Отделе письменных источников Государственного Исторического музея хранится личный фонд П. Н. Миллера. Среди его многочисленных материалов – путеводители и экскурсионные маршруты по Москве и Подмосквью; работы по истории Москвы: «О декабристах по «Листку» Долгорукова», «Бутырская тюрьма, ее история и быт» и другие; протоколы осмотра улиц, площадей, скверов, архитектурных памятников и памятных мест Москвы, проведенных в 1921–1930 гг. по руководством П. Н. Миллера. Неоценимым подспорьем для историков представляются составленные им обширные картотеки по различным темам, связанным с историей, бытом, архитектурой и природой Москвы.

Среди научного и литературного наследия П. Н. Миллера необходимо отметить и доклады, прочитанные им в самых различных аудиториях. Один из них, «Сельский пейзаж Московской губернии на рубеже XVIII в.» (ф. 134, ед. хр. 13), сделан Миллером в 1925 году для Общества по изучению русских усадеб. Доклад представляет собой переработку книги под названием «Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами...» (М., 1787).

Метод, которым я воспользовался в данном случае, – сравнительный: я выбрал из описания каждого уезда соответствующие места, разделил их по группам и в этих группах сравнил элементы из которых они слагались. Если бы я заметил, что ничто за этот срок под московской луной не изменилось, я, конечно, не стал бы, как говорится, «огород городить», но дело в том, что эволюция, происшедшая за эти 140 лет, значительна почти во всех частях, о которых я собираюсь вам сообщить. (...)

На фоне почти трех миллионов десятин площади Московской губернии раскиданы города, дворцы, слободы, усадьбы, селы и сельцы и деревни с их заводами, фабриками, мельницами и тому подобным. Этот равнинный пейзаж немало украшался монастырями и церквями, тут и там обнажавшими свои, по большей части белые, каменные ограды и стены и возвышавшие то золоченые, то просто крашенные маковки.

Всего населенных мест насчитывается 5419. Из них так называемых слобод и слободок – 15; 959 сел, 1442 сельца и 2988 деревень.

Во всех этих населенных местах 1326 домов различных владельцев и 96624 крестьянских дворов. Какое тонкое различие сделано между наименованием жилищ собственников с жилищами крестьян! Этим собственников, владельцев, на Московскую губернию приходится 2292, причем их домов каменных всего лишь 127, а деревянных – 1199. (...)

Упомянутые мною 96624 крестьянских двора, составлявшие селения Московской губернии, имели тоже свою архитектуру, архитектуру почти угасшую.

Обычный тип крестьянской избы – курный – черный – без трубы, с выпуском дыма через особые, волоковые, окна. Нет ни одного уезда, где бы в большинстве избы не были бы «без труб с двумя волоковыми и одним красным окошками». Мне кажется, нет необходимости говорить, что волоковые окна служили в большинстве случаев для выхода дыма из избы, а красное только для пропуска света.

Стоит только представить себе эти ряды или вернее кучки таких бревенчатых домиков с одним окошком, крытых ржаной соломой, почерневшей от дыма, как жуть берет от этого безнадежно унылого вида прежней московской деревни!

Даже в Московском уезде, по свидетельству «Описания», «крестьяне живут в домах деревянных, крытых по большей части соломой, а в некоторых местах тесом и дранью», в остальных же уездах характеристика жилья почти тождественна с приводимым ниже текстом о строениях, например, в Никитском уезде: «впрочем, в общежитии своем крестьяне странных обычаев в нравах, поверьях, обрядах, образе жития и обхождения особливо ничего не имеют да и самые избы построены обыкновенным образом без труб с небольшими двумя волоковыми и одним, называемым красным окошками, покрыты соломой, а у некоторых более при дорогах, дранью»...

Деревенские дворы некоторых уездов, впрочем, имеют более подробные описания; я их привожу ниже.

Например, в Бронницком уезде: «избы построены передней стеной на улицу; перед избою сени и клеть, за клетью навесы и для скота клеветы...» Или, например, в Верейском уезде: «дома огорожены заборами из мелкого лесу и плетнем...» или в Волоколамском уезде: «...через сени поставлены вышки для клажи платя и прочего крестьянского пожитка; позади дворов овины и сараи, а против оных через улицу для хлеба клетки, крыты тесом и дранью, но по большей части соломой; и в тех селениях, кои по планам еще не перестроены, дворы сидят весьма тесно и без всякого порядка, а потому и улицы кривы и грязны»...

Указание на беспорядок в еще неперестроенных селениях знаменателен. При консервативности нашего прежнего крестьянского уклада нельзя ожидать, чтобы эта перестройка по планам могла войти быстро в жизнь, но и можно себе вообразить, что представляли из себя дальние, глухие деревушки до перестройки и как их улицы вблизи были и кривы, и грязны. Как правильно сказано, что дворы сидят тесно! Именно сидят, а не стоят!

При описании построек Дмитровского уезда опять сказано, что «строение домов крестьянских состоит из одной избы, построенной на улицу»... Про постройки Звенигородского уезда говорится: «крестьянские дома построены обыкновенным образом, состоя из одной избы, которая построена на улицу...» В Клинском уезде, в этом давнишнем тракте—сначала в иноземные края, через Тверь—Новгород, а потом Петербург,—строения описаны наиболее подробно: «строение крестьянское посредственно, избы построены на улицу с навесом. Невысокие, покрыты будучи тесом, дранью, а более соломой, без труб, с двумя волоковыми и одним красным окошками.

Во многих же селениях делают печи с трубами; дворы строят, исключая большой дороги, не весьма пространные, с холодной горницей, или сенником для поклажи, всякой рухляди и со мшенником (утепленная мхом клеть) для мелкой скотины, а для крупной с разными разгородками». Аналогично этому описание построек в Можайском и Серпуховском уездах.

Почти во всех уездах упоминаются и белые избы, с трубами, но эти упоминания всегда сопровождаются оговоркою. Например: «бывают и белые избы, с трубами, но весьма редко» (Рузский уезд); «а у некоторых есть и белые» (Дмитровский уезд); «а на больших дорогах и частью в селениях казенного ведомства выстроены белые избы...» (Воскресенский уезд).

Так как освещение крестьянских жилищ описано лишь в одном случае, в Волоколамском уезде, то приведу его полностью: «Для свету в избах употребляют лучину, а свечи тогда только, когда выходят ночью на двор с фонарем для осмотру своего скота».

Ясно, что свечи разумеются своего изделия, сальные.

Пора, наконец, перейти к последнему отделу моего сообщения—к одежде крестьян. Одежда, конечно, играла большую роль в общем пейзаже Московской губернии. Тем более что она за протекшее время подверглась такой эволюции, что, когда пришлось наводить некоторые справки насчет образов прежней одежды крестьян Московской губернии, мне указывали на подходящую к ней одежду соседних губерний, так как образов древней одежды Московской губернии в большинстве не имелось.

Рассмотрим сначала мужскую одежду.

Основной верхней одеждой являются кафтаны, в Воскресенском и Можайском

уездах называемые также зипунами. Кафтаны обязательно домотканые: суконные, в разных уездах разного цвета. Ткут их из овечьей и коровьей шерсти, причем в некоторых случаях, вероятно, определяя покрой, фасон, прибавляется слово русский — «русские кафтаны», как например в Воскресенском, Звенигородском и, что самое любопытное, в Московском уезде. Обычные цвета — белый, серый, черный и смурый. Белые носят в Бронницком и Коломенском, серые — в большинстве уездов кроме Дмитровского, черные — кроме Звенигородского, Можайского, Рузского и Серпуховского, а смурые носили в Дмитровском, Звенигородском и Рузском уездах.

Говоря о кафтанах, «Описание» называет иногда материал, из которого они сделаны, «сермягой», что значит грубое сукно из простой шерсти ручного изготовления. Это выражение употребляется в Волоколамском, Звенигородском и Клинском уездах.

Не знаю, красились ли эти сермяги и сукна, но относительно серого и черного сукна кафтаны в Московском уезде определенно говорится, что оно «некрашенное».

Точно определить, что такое смурый цвет, я не могу, и точно также не берусь объяснить причину, почему «Описание» не называет так распространенного среди крестьянской одежды рыжего цвета кафтаны. Вероятно, это натуральный цвет сукна из коровьей шерсти.

Если кафтаны надевались одновременно с шубой, то всегда поверх ее.

Домотканное сукно, однако, не служило единственным материалом из которого шились кафтаны. В некоторых уездах, например, Воскресенском, «которые позажиточнее имеют кафтаны из хорошего сукна»; в Дмитровском уезде «позажиточнее в синих кафтанах»; в Московском уезде «теж, кто позажиточнее, имеют кафтаны из иностранных сукон».

Если кафтаны носились и летом и зимой, то «балахоны» носились только летом, так и указывается в «Описании», и это само собой разумеется, так как балахоны были холщевые или холстинные, смотря по тому, как их и где называли. Из всех уездов только в Клинском сказано, что «носят крестьяне летом тканые из ниток с шерстью и холщевые понитники», не упоминая про «балахоны», но что это одно и то же, доказывает Рузский уезд, где сказано — «летом крестьяне ходят в холщевых «понитках», и Коломенский, где про это говорится в таких выражениях: «крестьяне носят платье обыкновенное, летом балахоны ревендужные* белые и черные тонкие, называемые крутиковые, сделанные из понитнику».

Вот за этими холщевыми московскими понитками или понитниками или как их чрезвычайно образно коломенские крестьяне называли «крутиковыми», я метался из одного музея в другой, — пониток нашел, но не московский; а так как он исчез с лица московской земли и, вероятно, скоро исчезнет и в других местах, то на него, конечно, интересно не только посмотреть, но и его пощупать.

Из обихода крестьян Московской губернии исчез не только пониток, но и «балахон». Мне его нигде не приходилось видеть, но я в этом случае, конечно, не авторитет. Однако в наших этнографических хранилищах московских балахонов нет. Один из московских старожилов говорил мне, что ему известны были ныне совершенно исчезнувшие балахоны, которые делались из материала серого цвета, очень грубого, вроде небеленного холста, шились в талию, с косой застежкой на больших крючках с воротом, обшитым тесьмой.

Балахоны, как и кафтаны, различались у бедных и богатых крестьян. Например, в Московском и Серпуховском уездах — «кто позажиточнее носит балахоны китайчатые». На счет клинских крестьян имеется особое указание: «крестьяне носят летом серые и черные сермяжного сукна кафтаны и тканые из ниток с шерстью и холщевые понитники, а побогаче китайчатые азямы, козлиные кожаны». Это значит, что по вороту и обшлагам они обшиты козлиной кожей.

Про зимнюю одежду говорить нечего — у всех овчинные нательные шубы, с той только разницей, что «у иных крытые сукном и китайкою» (Клинский уезд и другие). Надо отметить, что современное название «полушубок» не встречается в «Описании». Интересно, одно ли это и тоже, что прежняя шуба?

Из нижней одежды крестьян упоминаются лишь в Московском уезде рубахи — белые холстинные, с косыми воротами, «а которые побогаче, те носят пестрядинные, а некоторые и шолковые».

* Правильно ревендучные, т. е. тонкий парусиновый холст. — (Прим. авт.)

Не пропускает «Описание» и шляп и шапок, правда, упоминая их не в каждом уезде. «Шляпы круглые, с высокою тульею вокруг которой обвязана лента» — так говорится про Московский уезд, или проще: «шляпы круглые с высокою тульею» — Клинский, Коломенский, Рузский и Серпуховской уезды. Словом, вероятно, везде одинаковые, отличались только в Московском уезде повязанной лентой.

Эти шляпы, те самые «гречневика», которые мы видим в театрах — в «Онегине», и которые мы никак не увидим на головах ни теперешних ни, конечно, будущих граждан московских сел и деревень.

Про шапки, то есть про зимние головные уборы, сказано: «высокие с овчинным маленьким околышем» — Клинский уезд; «шапки овчинные» — Коломенский уезд, «шапки высокие суконные, опушенные овчиною» — Московский уезд.

В одном случае упоминаются «рукавицы большие кожаные с шерстяными варигами», это в том же Московском уезде.

Имеется и описание кушаков, конечно, домотканых. В Можайском уезде они «пестрые домашние», в Московском «шерстяные полосатые домотканые, а позаживнее — шелковые»...

Остается сказать про обувь. Конечно, большинство носило лапти. В описании большинства уездов это совершенно ясно выражено. Например, в Клинском уезде: «обуваются в лапти и онучи, а некоторые в сапоги и коты». Или в Бронницком уезде: «обувь же немногие имеют кожаную, как то коты и сапоги, а то более лапти». В Серпуховском уезде: «обувь мужчин и женщин одинакая — по праздникам носят сапоги и коты». Но были уезды, где крестьяне могли похвастаться кожаной обувью. Так, например, про Богородский и Никитский уезды сказано: «обувь большею частию имеют кожаные коты или сапоги; а те кои поскуднее, носят лапти»; а про Московский: «обувь у всех почти бывает кожаная, иные ж в лаптях».

Одежда женщин московских, хотя и сложнее и наряднее, но в большинстве также исчезла, как и мужская.

Основной одеждой, конечно, надо считать сарафан, про который в «Описании» упоминается почти во всех уездах; сарафаны в большинстве крашенинные, а у зажиточных кумачные и китайчатые. Само собой, что как кумача, так и китайка — фабричный продукт и в женских нарядах и одежде этого фабричного товара больше, чем в мужских.

Среди основной женской одежды надо считать также паневы, или как их называют в Бронницком и Серпуховском уездах, где их только и упоминают, понявы. В Бронницком они упоминаются одновременно с сарафанами, а в Серпуховском про сарафаны не упоминается. Паневы в Бронницком уезде носили крашенинные, «а побогаче красные кумачные и китайчатые». В Серпуховском же «женщины носят летом и зимою полосатые разного цвета понявы шерстяные».

Паневы как одежды, вызывают ее продолжение кверху, чему и служили, вероятно, телогреи, которые упоминаются только в тех уездах, где не указаны сарафаны (Богородский, Коломенский, Никитский, Подольский и Серпуховской уезды), причем они значатся, как и сарафаны, крашенинными, а побогаче — красные, кумачные и китайчатые.

Возвращаюсь к сарафанам, чтобы охарактеризовать их, в Московском уезде: «женщины же ходят летом в бумажных и китайчатых, а средственного состояния в крашенинных шубках, в сарафанах кумачных и китайчатых, обложенных выбойчатою выкладкою, лентами, а те, кто победнее, имеют сарафаны из посконной холстины, большею частию окрашенные синею краскою». Итак, для Московского уезда мы имеем еще летнюю одежду — шубки. Пригородные крестьянки Серпуховского уезда носили иногда коломенковые «юпки» (коломенка — бумажная серая материя).

Из зимней одежды упоминаются те же овчинные нагольные шубы и так же, «кто побогаче, у тех крыты крашениной и китайкой».

Впрочем, в Московском уезде, кроме повседневных шуб отмечаются праздничные на заячем меху, крытые китайкою, а в Коломенском поверх шуб «надевают белые тонкие суконные шушуны, а позажиточнее — в шубах крытых китайкою и камкою».

Насколько просты, однообразны и нехитры головные уборы мужчин, настолько разнообразны они у женщин: кички, кокошники, сороки, повойники, чепцы, платки, повязки и ленты.

Кички — в Коломенском и Московском уездах; в Коломенском «у некоторых шелками и золотом вышитые и выкладенные позументом», в Московском — «кички

парчевые и тафтяные с позументом, прикрыты будучи шелковыми фатами с позументом и бумажными белокрайками». Кокошники — почти во всех уездах. В Московском — парчевые и тафтяные, в Серпуховском в праздники — тафтяные.

Сороки, которые в описании Можайского уезда называются «маленькими кокошниками», тоже вышиты шелком и золотом (Воскресенский, Дмитровский, Звенигородский, Клинский, Коломенский уезды); в Можайском уезде их, кроме того, вышивают гарусом, а в Серпуховском — «на головах белые и пестрые сороки, а позаживнее китайчатые».

Повойники упоминаются только в Воскресенском уезде наравне с кокошниками и сороками, чепцы только в Звенигородском и Клинском уездах.

Платки называют в Рузском уезде белые холщевые, в праздники шелковые, в Серпуховском — белые кисейные и простые, и в Дмитровском — разные, как сказано в «Описании». Платки упоминаются также как девичий головной убор, например, в Клинском уезде.

Еще про один девичий убор говорится в Можайском уезде: «а девки употребляют повязки или ленты, шитые золотом; чем оне и отличаются от замужних». Замужние в Можайском уезде носят сороки. Женщины Клинского, Московского и Можайского уезда носят пояса: в Клинском — шелковые и шерстяные, в Московском — шелковые.

Остается сказать про ушные уборы женщин — серьги. Они значатся в «Описании» в Московском, Рузском и Серпуховском уездах и описываются почти одинаково: в Московском уезде «большие, длинные, с толстыми кольцами, о двух или трех подвязках», а в двух других: «в ушах серьги длинные с подвесками...»

И последнее об обуви. Здесь разницы с мужской немного, в большинстве, конечно, лапти, а кто побогаче — кожаные башмаки, коты и сапоги.

Вот в общем тот сероватый, спокойный общий тон Московского пейзажа издали. Не ярче он становился и вблизи, в особенности если вспомнить, что в большинстве построек, большинстве повседневной одежды наблюдалась поразительная скромность, убожество и бедность. Все эти крашенные, в лучшем случае китайчатые, все такие же синего тона женские одежды, серые и смурные кафтаны крестьян, лапти, курные избы с избытком обрисовывают ту грустную гнетущую картину, которую должен был наблюдать каждый, свернувший с большой дороги!..

Я должен извиниться еще раз. Но я считаю себя вознагражденным тем, что в процессе обработки этого доклада я наткнулся на обстоятельство совершенно неожиданное, на пробелы, которые, может быть, еще можно будет пополнить. Я говорю о почти полном отсутствии образцов домашнего быта в одежде и прочем крестьян именно Московской губернии. Мы читаем слова, названия, хотим видеть, хотим изучить предмет, но его не находим.

Я предлагаю: заслушав мой доклад, всем нам дать себе обещание текущим летом или когда кто-нибудь из нас будет в московской глуши не забыть о том, что в Московских хранилищах почти нет предметов древнего крестьянского домашнего обихода и что мы должны приложить все усилия, чтобы их раздобыть и этот пробел заполнить.

Причиной моего сегодняшнего доклада и непременно в Обществе по Изучению Русских Усадеб, членом которого я имею честь состоять, послужили мои частые посещения Общества, заслушанные с большим интересом происходившие на нем доклады и полное удовлетворение от изысканности содержания, отделки, мастерского изложения взятой на себя темы. Но меня позвала окружающая нас действительность: изучение усадьбы прекрасно, но кроме колонн, пилястров, интерьеров, гостиных, кабинетов, садов, парков и беседок есть фон, тот антураж, среди которого каждая усадьба рождалась, жила, расцветала или угасала, фон, который, заключая в себе поля, леса, постройки и их обитателей, питал жизнь этой усадьбы, был той почвой, на которой она вырастала. Несомненно, что жизнь усадьбы отражалась на ее фоне и сознательная часть этого фона постепенно накапливала впечатления, так или иначе иногда раздражавшиеся и в конце концов приведшие нас к событиям последних лет, переоценившим все ценности и выдвинувшим подлинную соль и силу земли на передовое место.

Читано в ОИРУ 26.П. 1925 г.

Публикация Б. Мордвицева